

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ГЕРАЛЬДИКИ

Данная статья представляет собой лишь введение в названную в заголовке проблему, исследование которой, безусловно, достойно более серьезного научного исследования, ибо восхождение на вершины теоретической геральдики немислимо без развития в мировой геральдической традиции учения об особой философии языка геральдики. Под ней мы понимаем философское осмысление и анализ сущности языка геральдики, ее методологических основ, принципов толкования компонентов гербов, специфической диалектики семантики гербов и входящих в них фигур. В частности, философия языка геральдики рассматривает геральдические символы прежде всего с онтологической (их функционирования), гносеологической (их прочтения, расшифровки) и социологической (их взаимосвязи с обществом) точек зрения.

Актуальность философских исследований языка геральдики вызвана насущной потребностью в научном анализе теоретических основ геральдики, особенно важнейшего ее раздела, представляющего ядро геральдики – символики, а точнее говоря, символогии (чисто по-русски – символюмыслия, символючения). Становление и возрождение геральдики в России сопровождается в наши дни научной полемикой об осмыслении предмета, структуры и методов исследования геральдики, ее места в системе вспомогательных исторических дисциплин, роли в культуре, политическом и правовом поле государства и др. проблем.

Сам по себе язык геральдики, хотя и не играет роль источника философских знаний, но может и должен стать разделом философского знания, важным направлением научно-философских исследований.

Актуальность исследования в области философии языка геральдики объясняется и тем, что ее теоретические положения будут способствовать не только осмыслению геральдики как научной дисциплины, но и более глубокому пониманию процессов, происходящих сегодня в мировой и особенно в возрождающейся и поднимающейся на новый исторический этап отечественной геральдики, которая становится одним из важных компонентов духовной культуры России.

Чтобы не отставать от практической геральдики, а помогать ей, т.е. идти с ней в ногу и даже опережать ее, теория, связанная с развитием геральдики, должна вооружать практическую геральдику методологической основой, содержанием которой и является философия языка геральдики.

Философский анализ языка геральдики позволяет осмыслить внутреннюю логику и функционирование геральдических символов, дает возможность выявить основные принципы и положения геральдического знания.

Формирование философии языка геральдики как отдельного научного направления философских исследований потребовало постановки вопроса о ее предмете. Часть ученых полагают, что предмет языка геральдики включает в себя исключительно формальные системы геральдики – цвета, щиты и их разделения, почетные и простые геральдические фигуры, терминологию описания гербов и систему геральдических фигур. Такое понимание языка геральдики поверхностно, не затрагивает самой его сущности, ограничиваясь лишь ее проявлением, что, безусловно, тоже немало важно.

Мы отстаиваем другую точку зрения. Под языком геральдики мы понимаем не тот терминологический (словесный) аппарат, который применяется при традиционном описании гербов (блазонировании) в классической геральдике, а широкое поле семантики не только гербов в целом, но и всех без исключения составляющих их фигур, каждая из которых может выступать в качестве полисемантического символа, раскрывающего нам все богатство своих смыслов и их оттенков, детерминированных не только спецификой и идеологическими потребностями конкретной культурно-исторической эпохи, но и спецификой сознания субъекта, который взялся за расшифровку символа. Под символом мы будем понимать не те многочисленные и часто противоречивые определения, сформулированные специалистами по символогии и геральдике, а глубоко философское определение, данное Г. Гегелем: «Символ представляет собой непосредственно наличное или данное для созерцания внешнее существование, которое не берется таким, каким оно непосредственно существует ради самого себя, а должно пониматься в более широком и общем смысле». (Г.В.Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство., 1969, Т. 2, с. 14).

Сложный и головоломный язык геральдики начал формироваться с XII века. В XIV веке появляются профессиональные специалисты в области геральдики, которые образовали особые профессиональные цехи, в состав которых входили герольды разного уровня подготовки – от учеников до товарищей и истинных мастеров. Возглавлял такой цех гербовый король. К XVII веку стало ясно, что геральдика превращается в научную дисциплину со своим специфическим языком, имеющим свою философию. Одним из первых это заметил известный французский геральдист XVII века, иезуит Менестриэ, написавший несколько книг по геральдике. Он, в частности, подчеркнул главную задачу философии геральдики: «Геральдика... имеет свою философию, рассматривающую свойства ее фигур». (Цит. по кн.: Ю.В. Арсеньев. Геральдика., Ковров, БЭСТ – В, 1977, с. 103).

В последующие века трудами многих зарубежных и отечественных ученых геральдика была поднята на должную высоту и вошла в ряд научных дисциплин. Вместе с тем исследованием философии языка геральдики ни ученые-геральдисты, ни философы специально не занимались.

К некоторым вопросам этой проблемы (чаще всего к символике) подходят многие специалисты, в том числе и философы, например, Г. Гегель, К. Юнг, К. Ясперс, Э. Фромм, Б. Рассел, П. Флоренский, А. Лосев и другие. Из современных отечественных историков на семантику геральдических фигур обратили внимание Д. Кривцов и Е. Груздов. Более обстоятельно этот вопрос затронул Е. Пчелов в книге «Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте», изданной в 2005 году.

Методологической основой учения о философии языка геральдики выступает философское учение об общих принципах функционирования символа и его структурно-семантической характеристике, куда входят концепции историчности и уровней символа, диалектики и многомерности символа, его относительности и конкретности, соотношения субъективного и объективного в процессе анализа символа и др.

Осмысление философии языка геральдики предполагает определение основного принципа этой философии. Таким центральным, объединяющим, принципом может выступить принцип всеобщей диалектической семантической геральдических фигур (образов). По справедливому замечанию Г. Гегеля, «образ, обладающий смыслом, называется символом лишь в том случае, когда этот смысл не выражен особо и не ясен сам по себе». (Г.В.Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство, 1969, Т. 2, с. 18).

Этот принцип указывает на основной ориентир для ученого-гербоведа, дает ему руководящее положение, основное правило для любого геральдического исследования. Смысл этого принципа в том, что он напоминает, что в геральдике семантика фигур, составляющих герб, не застывшая, не однозначная, а глубоко диалектическая, подвижная, способная развиваться и изменяться в зависимости от различных факторов, изучение которых и представляет особый интерес для исследователя.

Кроме этого принципа, язык геральдики обладает еще рядом принципов, соблюдение и учет которых необходим как при составлении, так и при расшифровке гербов.

Первым в этом ряду можно выделить принцип исторического, стилового и профессионального соответствия гербовых фигур. Он требует от составителя и художника определенной геральдической культуры и корректности при составлении и изображении герба. К сожалению, в геральдической практике нередко случается несоблюдение этого принципа. Например, составляя фамильный (родовой) герб для врача, составитель в качестве щитодержателя изобразил Асклепия, греческого бога врачевания. В связи с тем, что врач упомянул, что в его роду в средневековье был христианин, пострадавший за веру, канонизированный как мученик, вторым щитодержателем составитель предложил изобразить святого мученика в монашеской одежде как память о далеком предке гербовладельца.

Такое сочетание щитодержателей, мягко говоря, некорректно, ведь христианин был замучен за то, что отказался поклониться языческим богам (в том числе и Асклепию). Этот принцип напоминает художнику-составителю гербов еще о двух требованиях. Первый – о необходимости соблюдения стилового однообразия при изображении гербов, недопустимости эклектики, которая возможна при составлении герба непрофессиональным художником, когда несколько гербовых фигур изображаются в разных художественных стилях. Второй – об историческом соответствии фигур, изображенных в гербе. Общепринятой нормой языка геральдики считается использование только древних и средневековых фигур для выражения самых современных идей или явлений. Блестящий пример этого подает христианская церковь (при подборе покровителей для современных профессий). Так, в христианстве покровителем авиации считается Илья Пророк, радио и телеграфа – Жанна д'Арк, почты и филателии – архангел Гавриил, телевидения – Клара Ассизская, ракетчиков – Варвара, фотографов – Вероника, астронавтов и космонавтов – Иосиф из Купертино, интернета – Исидор Севильский и т.д.

В городской геральдике удачными в этом смысле вариантами территориальных являются гербы, составленные в наше время – городов: Электрогорска, Дрезна, Жуковский, Касли, Сим (Челябинская область) и районов: Алексеевского (Самарской области), Островского (Костромская область), и многих других.

Вторым из этого ряда можно назвать принцип рациональной и иррациональной действительности символа. Он заключается в том, что геральдическая фигура есть такая структура, которая способна выражать не только реальные и постижимые свойства действительности, но и мистические, иррациональные. Например, прямоугольный треугольник со сторонами, равными единице, может символизировать триединство вообще или конкретно троицу. В связи с тем, что гипотенуза этого треугольника равна квадратному корню из числа 2 (иррациональная величина), то она иррациональную величину представляет наглядно, как реальную. Другой пример – многие египетские боги представлены как человеческие фигуры с головами собаки, кошки, кобры, а фигура сфинкса представлена как животное с туловищем льва и головой человека, что позволяет придавать этим существам некий мистический иррациональный смысл, невыразимый с помощью реально существующих существ. Даже обычная вертикальная линия способна выразить многие мистические, в том числе религиозные идеи, например, связь божественного мира с земным, одну из философских противоположностей или сил и т.п.

Следующий принцип – принцип способности геральдического символа содержать в себе бесконечный ряд идей, сторон какого-либо явления, процесса или предмета. Пример тому – двуглавый орел, выражающий ряд

значений – от политических, геополитических до нравственных и эстетических. Эту особенность геральдического символа подчеркивал Гегель. Анализируя символику животных в искусстве Древнего Египта, он писал: «Животные как таковые не имеют уже значения, а заключают в себе более высокий смысл; лишь образ животного еще сохраняется при этом. Эти образы широко известны из египетской культуры: сокол, ястреб-перепелятник, орел, коршун, навозный жук, скарабей почитались не сами по себе, но как имеющие при этом содержание, отличное от природы самого образа. Символика является для нас смутной вещью, становящейся тем более темной, чем большее число форм мы познаем... Здесь сразу же обнаруживается очень много неопределенного, и не следует надеяться на то, что можно будет достигнуть полной ясности в этих совершенно смутных вещах» (Г.В.Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство, 1973, Т. 4, с. 298).

Большое значение при этом имеют фантазия и воображение. Гегель по этому поводу писал: «Символизация, осуществляемая воображением, состоит в том, что в чувственные явления, в образы оно вкладывает представления и мысли, отличные от их непосредственного смысла, но находящиеся с ним в отношении аналогии, и используют эти образы, как выражение иного смысла». (Г.В.Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство, 1973, Т. 4, с. 156). Поэтому, заключает Гегель, «один и тот же образ благодаря более отдаленным ассоциациям может употребляться в качестве символа нескольких значений». (Г.В.Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство, 1969, Т. 2, с. 16).

Из этого принципа вытекает следующий: в любом геральдическом символе может быть скрыта тайная (эзотерическая) сущность, включающая в себя ряд содержательных элементов, требующих расшифровки. В этом смысле сами по себе геральдические фигуры представляется часто, по словам Гегеля, как «задачи, требующие, чтобы мы угадали вложенный в них смысл» (Г. В. Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство, 1969, Т. 2, с. 30), ибо многие геральдические фигуры «становятся облачением скрытого в них более глубокого содержания» (Г.В.Ф. Гегель. Эстетика. М., Искусство, 1973, Т. 4, с. 299).

А.Ф. Лосев, анализируя причину того, что во всяком символе всегда скрывается некоторого рода таинственность, которую нужно разгадать, писал, что это происходит потому, что «он в скрытой форме содержит в себе все вообще возможные проявления вещи» (А. Ф. Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство, М., 1995, с. 13-14). Заметим только, что все возможные проявления геральдической фигуры могут рассматриваться на разных уровнях нашего познания – от поверхностных до глубоких. Любой же глубинный уровень познания можно рассматривать как состоящий из поверхностного и еще более глубинного и т. д. Более того, ка-

ждый из уровней познания можно интерпретировать с разных позиций, например, с точки зрения этики, психоанализа, социологии, политологии или православной библейской экзегезы. Таким образом, тайный смысл фигуры, требующей расшифровки, может оставаться для исследователя всегда. В этом тоже состоит одна из специфических сторон философии языка геральдики.

Этот принцип подводит нас к следующему, который гласит, что геральдический символ может обладать свойством универсальности – быть пригодным для выражения любых тенденций, идей и даже любой дерзновенной мечты отвечающей конкретным историческим потребностям в достижении каких-либо целей, т. е. обладать самыми разнообразными свойствами и качествами. Яркий тому пример – двуглавый орел, который способен символизировать идеи, отражающие актуальные потребности самых разнообразных форм общественного сознания – политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и других в самые разные периоды истории России. Именно это качество двуглавого орла дало возможность вернуться к нему в качестве Государственного герба Российской Федерации.

Из этого принципа вытекает новый, который гласит о том, что геральдический символ содержит в себе намного больше, чем его конкретное визуальное проявление в виде геральдической фигуры.

Для примера возьмем одну из простейших фигур в геральдике – чашу. Недостаточно сведущему человеку в геральдике может показаться, что чаша – это символ достатка, изобилия и не более того. Вместе с тем чаша может символизировать и бессмертие, память потомков о погибших или умерших. В истории Европы было время, когда чашу выбрали в качестве политической эмблемы представители гуситского движения.

Но намного большее символическое значение чаша имеет в мифологии и христианстве. Во-первых, чаша – неизменный символ и атрибут Вакха, который детерминирует и другие ее символические значения – пьянство, оргии и распутство. Совершенно другую группу символических значений чаша имеет в христианстве. Так, она может символизировать апостола Иоанна Богослова, которого пытались отравить ядом, налитым в чашу. Но чаша в христианстве символизирует и десятки значений, связанных со страданиями Иисуса Христа, ибо понимается не просто как чаша, а Чаша Грааля. В нее, по преданиям, собрал кровь Иисуса Иосиф Аримафейский, когда распятого Христа ударил копьём в грудь сотник Лонгин. Чаша Грааля поэтому превратилась в один из самых многозначных символов современной цивилизации, связанных с чудесной целительной силой, со святой мечтой, с тайной, невидимой для недостойных, с возвышенной духовной ценностью и т.д.

Следующий принцип касается наличия в геральдическом символе огромной эвристической силы. Он гласит, что геральдический символ, являясь отражением одной действительности, позволяет выйти за ее рамки и перейти в мир новых действительностей, включая мир фантастики. Но чтобы выйти за рамки первоначальной действительности геральдического символа, необходимо усилие творческого мышления того, кто пытается расшифровать символику геральдической фигуры, т. е. нужны эвристические способности, адекватные эвристическим возможностям самой геральдической фигуры.

Принцип информационной достаточности требует от составителя герба и художника высокой геральдической культуры. Во-первых, его следует соблюдать при описании герба. Насколько это важно, можно увидеть на примере подготовки Указа Президента России о Государственном гербе в 1993 году. Тогда несоблюдение этого принципа привело к тому, что в описании герба России лента между коронами даже не упоминалась, позиция двуглавого орла не была указана, т. е. двуглавого орла можно было изобразить и с опущенными крыльями, цвет всадника и дракона указан не был и др. В итоге описание герба страдало именно информационной недостаточностью. Официальное описание герба гласило: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой изображение двуглавого орла, помещенного на красном геральдическом щите; над орлом – три исторические короны Петра Великого (над головами – две малые и над ними – одна большего размера); в лапах орла – скипетр и держава; на груди орла на красном щите – всадник, поражающий копьём дракона».

Большинство этих и других недостатков было устранено при подготовке Федерального закона о гербе России в 2000 году, однако и в нем, к сожалению, остались всякого рода мелкие погрешности.

Во-вторых, этот принцип важно соблюдать при изображении гербовой фигуры, чтобы зритель мог расшифровать изображение и без описания.

Так, например, при изображении апостолов или христианских святых необходимо обращать внимание на главные их атрибуты, наличие которых на рисунке достаточно для атрибуции личности святого. Если это Андрей, то это Х-образный крест, если Петр – то это ключ, если Иаков Младший – то это сукновальная палка с плоской колотушкой, если Иаков Старший – то это посох странника и раковина, изображенная на его плаще и т. д.

Принцип художественного минимализма напоминает, что в геральдике гербовая фигура может и не обладать значением высокохудожественного образа, но от этого она нисколько не теряет своих символических значений. Наряду с этим, она может потерять эстетическую привлекательность, красоту и аттрактивность, что особенно немаловажно для полного, парадного герба. Этот принцип позволяет изображать герб в нескольких вариантах, а при необходимости и в таком виде, чтобы его изображение было

минимального размера и было предельно стилизованным и лаконичным, но все же узнаваемым.

Рассмотрев основные философские принципы языка геральдики, обратимся к основным философским положениям языка геральдики, раскрывающим общие свойства геральдических фигур.

Геральдический символ способен обобщить общественное явление какого-либо исторического периода, эпохи или среза времени. Так, изображенная в качестве геральдической фигуры скульптурная группа «Рабочий и колхозница», композиция «Серп и молот» указывают на конкретные, социалистические этапы в истории России. С этой способностью геральдического символа связано другое философское положение: геральдический символ может выступать и в качестве пропагандиста, проповедника общественно-политических идей, выразителем идеологических ценностей, политических ориентаций, то есть обладать огромной аксиологической силой.

Из этих двух положений вытекает третье – геральдический символ способен навести на явление, далеко выходящее за пределы его непосредственного содержания и имеющего совершенно другой смысл. Убедительный прием этого – компаративное исследование свастики, древнего символа многих цивилизаций, которая символизировала солнце, весну, воскрешающую силу, созидательную энергию, удачу, добро, счастье, защиту от темных сил, и многие другие положительные явления и качества. Вместе с тем, в 1920 – 1940-е года свастика, став эмблемой национал-социалистической партии Германии, стала для многих поколений людей символом фашизма и мирового зла.

Геральдическая фигура всегда символизирует какую-либо сторону действительности, под которой мы должны понимать не нечто конечное и ограниченное, а бесконечное и безграничное в своих настоящих и будущих значениях. Пример тому – российский двуглавый орел. В глазах не очень сведущего в геральдике человека он символизирует евразийский состав России. Сведущий в политике человек дополнит это значение, указав, что орел – символ бдительной охраны России с Запада и Востока, что он являет миру единство двух культур – восточной и западной, что он – символ единства двух политических тенденций – консервативной и реформаторской и т. д.

Историк христианства значительно дополнит и эти значения, указав, что двуглавый орел – символ божественной и человеческой сущности Христа, парных христианских добродетелей, государственной (светской) и церковной (духовной) властей.

Отсюда вытекает еще одно, весьма важное философское положение о том, что геральдический символ, какой бы примитивный на первый взгляд он ни был, способен выражать такие идеи и общественные явления, кото-

рые не только не имеют ничего общего с содержанием самой гербовой фигуры, но и могут иметь неизмеримо более высокую социальную ценность, чем сам предмет.

Например, колесо может выступать символом движения, мобильности, активности. Крылатое колесо – символом и эмблемой железнодорожного транспорта. Но если вспомнить историю христианства и вдуматься в изображение святой, держащей колесо, то именно колесо подскажет, что это – святая Екатерина Александрийская, с именем которой связаны совершенно новые, возвышенные символические значения. Второй пример – гроздь винограда, который может символизировать виноделие, южные территории, теплый климат и нечто подобное. В то же время это духовно-нравственный символ Иисуса Христа, его смерти и воскрешения, символ Евхаристии (причастия) и очищения. Вспомним слова Иисуса из Евангелия от Матфея, когда на Тайной Вечере Христос взял чашу с вином и сказал: «Пейте из нее все, ибо это моя кровь завета, которая за многих изливается для прощения грехов». Таким образом, Христос сам использовал гроздь винограда как символ своей крови, пролитой на кресте за грехи людей.

Таким образом, в геральдическом символе диалектически, порой самым причудливым образом переплетаются, сходясь в одной точке, означающее (символизирующее) и означаемое (символизируемое) как результат единства и взаимодействия противоположностей, даже если они по своей природе совершенно различны (колесо и духовные ценности Екатерины; гроздь винограда и пролитая на кресте кровь Иисуса).

Отсюда вытекают более сложные философские положения языка геральдики.

Геральдическая фигура содержит в себе расширяющееся смысловое поле, позволяя придавать своей сущности все новые и новые фундаментальные связи. Это происходит благодаря тому, что геральдический символ способен интегрировать абстракции, помещая их в те контексты, в которых они способны проявить себя. При этом геральдический символ раскрывает себя как действительность, у которой есть ряд возможностей, реализация которых зависит от обстоятельств и конкретной исторической ситуации.

Пример тому – расширяющееся смысловое поле трех корон в гербе России. Первоначальный смысл (присоединение к России трех царств – Сибирского, Казанского и Астраханского) сегодня представляется отжившим и даже некорректным. Но он, интерпретируя абстракцию – власть, проявил в контексте современной России новый смысл, отражающий идею трех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Если и этот смысл в будущем окажется отжившим, проявится новый смысл, соответствующий иному контексту. В этом и заключается одна из сторон удивительной философии жизни геральдического символа.

С другой стороны, эта возможность геральдического символа приспособиться и отвечать потребностям разных народов и разных этапов истории общества и отдельных цивилизаций, разных идеологических партий, разных конфессий говорит о том, что с философской точки зрения геральдический символ следует рассматривать с компаративных позиций, ибо он представляет собой, с одной стороны, структуру, развивающуюся по законам диалектики, с другой – надстроечное явление, проявляющее себя в зависимости от развивающегося базиса, но имеющего относительную самостоятельность.

В этом смысле правомерно выделить в философии языка геральдики самостоятельное учение о соотношении обозначающей геральдической фигуры и обозначаемом смысле (идее). Именно это соотношение и раскрывает все богатство диалектических связей объекта (фигуры) и его философского отражения (смысла) в зависимости от контекста.

Так как отражение всегда субъективно, хотя и с необходимостью несет в себе часть объективного, то в этом учении особую роль играет концепция диалектики субъекта отражения – ведь им может быть цивилизация на коком-то историческом этапе развития, народ, нация, конкретная партия, корпорация, род и даже отдельная личность, включенная в определенные социальные связи, в зависимости от которых и формируется то отражение, которое и порождает обозначаемый смысл геральдической фигуры. Естественно, что все богатство и разнообразие конкретных отражений способно породить такие смыслы геральдической фигуры, которые все дальше и дальше уходят от первоначального ее смысла. Напрашивается вывод, что геральдический символ, как нечто общее, способен породить бесконечный ряд единичных смысловых положений в зависимости от отношений к другим предметам и явлениям, имеющим место в действительности. Но так как эта действительность не абстрактна, а реальна, то и геральдический символ способен символизировать бесконечный ряд реальных единичных смыслов. Исходя из этого, геральдический символ можно рассматривать как проявление конкретных уровней или этапов развития реальности. На более высоких уровнях реальности геральдический символ становится как бы накопителем, банком исторических значений, являясь нам одновременно как универсальное, так и специфическое средство отражения реальности – как материальной, так и духовной.

В бесконечном ряду символических значений геральдической фигуры особый интерес для исследователя представляет еще одно философское свойство. Дело в том, что геральдическая фигура способна порождать особую корреляцию материальных и духовных значений, присущую даже самым простым предметам. Для примера возьмем одну из простых геральдических фигур – графему волнистой линии, в общем смысле символизирующую воду. Она, в свою очередь, способна породить такой спектр

корреляций, который предстает перед нами в качестве бесконечного ряда символических значений материального и духовного плана. С одной стороны – это символ правдивости, духовного очищения, духовного возрождения, оплодотворения, лона жизни. С другой – символ крещения, освящения и даже божьего гнева. С третьей – символ первоматерии, первобытного хаоса. С четвертой – символ тайны, интуиции и глубинной мудрости. С пятой – символ подсознания и эмоциональной сферы, промежуточного уровня между телесным и психическим и т.д.

Так как геральдический символ способен выражать многие значения, которые определяются не только временем, но и субъектом толкования, то в этом смысле анализ значений геральдического символа можно рассматривать как учение об исторической и субъективной детерминированности геральдического символа.

Что можно включить в понятие «субъективная» детерминированности геральдического символа? Сюда входит широкий ряд реально возможных интерпретаций одного и того же символа в зависимости от субъекта его толкования. Возьмем ту же волнистую линию, обозначающую воду. Для алхимиков вода – промежуточный этап между телесным и психическим. Для астрологов вода – это знаки зодиака – Рыба и Рак, для христиан – это крещение, освящение и многие другие символические значения. Для китайцев – это символ ночи и даже смерти, для буддистов – это символ вечного течения материального мира.

Таким образом, субъективная детерминированность подразумевает толкование одного и того же символа с самых разных точек зрения: профессиональной, корпоративной, религиозной (от ведической, авестийской до христианской, мусульманской), национальной, континентальной (европейской, азиатской и т.д.), алхимической, государственной, цивилизационной, региональной, эпохальной, конкретной науки (конкретного учения или раздела знаний), жаргона, масонства, мифологии, мистерии, магии, мистики, оккультизма, розенкрейцерства, тантризма и т. д.

В заключение анализа философии языка геральдики обратимся к еще одной ее философской проблеме – концепции геральдической формы и геральдического содержания.

Содержание в геральдике играет определяющую роль, но особенность геральдики состоит в том, что содержание любого герба кодируется языком символов, обладающих своей формальной спецификой. Но символ, облекаясь в геральдическую форму, несет на себе принятый в данную эпоху геральдический канон. Он возникает потому, что художник-геральдист видит изображаемую им геральдическую фигуру сквозь призму художественных вкусов и эстетических идеалов своего времени, иначе говоря, глазами своей эпохи. Важно заметить, что содержание геральдической информации прошло длительный путь развития, в ходе которого

была сформирована разветвленная система принципов ее отбора и использования, коснувшаяся формы щитов и их разделения, принципов отношений цвета и металла, классификации почетных и простых гербовых фигур, терминологии и правил описания гербов, правил композиции, позиций и пропорций гербовых фигур и т. д. Все эти принципы составляют особый, как бы формальный пласт философии языка геральдики.

Следует особо заметить и то, что в системе этого формального языка геральдики немаловажную роль играет концепция позиций (поз, наклонов) геральдических животных, птиц и чудовищ. Так, например, только общеизвестных позиций льва на геральдических щитах насчитывается 12 (стоящий, лежащий, сидящий, восстающий, шагающий, нападающий, трусливый и т. д.). Кроме того, его клыки, язык и когти могут быть разных размеров и другого цвета. В этих сочетаниях позиций и цветовой гаммы будет заложено особое, индивидуальное содержание герба, детерминированное чисто формальными признаками фигуры. Более яркий пример роли формы в содержании демонстрирует нам позиция змеи. Одна группа ее значений предстает перед нами, если она обвивает посох Асклепия, другая группа значений выступает на первый план, если извивающаяся спиралью змея обвивает жезл Меркурия, третья группа значений – если змея вздыбленная, четвертую группу значений демонстрирует нам змея, свернутая в кольцо и кусающая свой хвост, пятую – коронованный змей и т. д.

Таким образом, философия языка геральдики представляет собой сложную систему знаний о взаимоотношении геральдических фигур и их смысловыми значениями. Эти взаимоотношения способны порождать подвижное поле смыслов – от кажущейся безусловной ясности до непостижимой тайны, между которыми может лежать бесконечное множество смысловых значений в зависимости от исторической конкретности смысла и субъекта отражения. Методологической основой анализа этой взаимосвязи выступает не только учение о субъекте и объекте, но и учение об относительной и абсолютной истине, детерминизме и диалектическое учение о законах и категориях диалектики.